

Загоскин Михаил Николаевич

**Юрий Милославский, или Как
жили русские люди в
безгосударное время с 1610 по
1612 г**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Николаевич З.**
Юрий Милославский, или Как жили русские люди в безгосударное время с 1610 по 1612 г
/ Загоскин Михаил Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 328 с.

ISBN 978-5-519-85455-9

ISBN 978-5-519-85455-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНІЕ.

„Благослови, Господи, рѣчь про старину“.

„Да вѣдають потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминають
За ихъ труды, за славу, за добро, —
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ“.

Пушкинъ.

Одна мать у человѣка, одна у него и родина. Нѣтъ на свѣтѣ милѣе родины.

У каждаго человѣка своя родина; общая же родина для всѣхъ русскихъ — матушка святая Русь православная. Какъ добрая мать кормить она насъ своимъ хлѣбомъ, поить своею водою, учить своимъ языкомъ, защищаетъ отъ враговъ, а когда умремъ — своею сырой землей прикроетъ и наши кости бѣлыя. Споконъ вѣка въ ней жили отцы нашихъ отцовъ и прадѣдовъ, и потому она святая для насъ.

Все на Руси намъ, ея сынамъ, одинаково дорого и любопытно: степи, лѣса, рѣки, нивы, полное гумно, изба съ соломенной крышей; пѣсни косарей и жницъ; стужъ цѣповъ; праздничные хороводы; святочные игры; игривыя сказки; нѣсни; вдохновенное слово родныхъ писателей; богатырскіе подвиги нашихъ воителей-защитниковъ; памятники родной старины; сіяющіе кресты безчисленныхъ селъ и городовъ; торжественный гулъ колоколовъ и безчисленныя могилы предковъ.

Славна и велика святая Русь православная: теперь въ ней болѣе 80 миллионѣвъ сыновъ ея. Всѣ они повинуются одному Царю православному; всѣ одинаково Его любятъ и благословляютъ, и всѣ готовы душу положить за славу и честь своего дорогого отечества. Но было время, слишкомъ лѣтъ двѣсти тому назадъ, когда на Руси случилась пора *беззасударная*; когда настали времена страшнаго безначалія: въ короткое время смѣнилось пять царей и послѣдній былъ въ тяжкомъ плѣну; когда плакалъ весь народъ, позорились церкви Божіи; когда, по словамъ инокини Марѣи, матери предка нашего Царя, „всѣ измалодушествовались, сѣза и сокровища царскіи были разграблены измѣнниками, народъ страдалъ и унижалъ“ *).

„Это было, какъ сказано въ лѣтописи, въ лѣто 1612 на Москвѣ, и вся люди московскіе избраху на московское государство литовскаго королевича Владислава. Литовскіе же люди на Москвѣ сядяху и начаша умышляти, како московское государство разорити, подъ Москвою же люди о томъ скорбаше и плакахуся, а помощи никто не можаше содѣяти“.

Съ этой-то грустно-страшной порой мы и хотимъ познакомить читателя и, насколько хватитъ умѣнья, начертить картину нравовъ и обычаевъ жизни предковъ того времени, какъ въ Руси XVII вѣка, вслѣдствіе стеченія несчастныхъ историческихъ обстоятельствъ, было великое шатанье, броженіе умовъ, безначаліе, и все, казалось, вело къ полному распаденію крѣпкаго царства московскаго. Эта пора была одна изъ самыхъ мрачныхъ и въ то же время свѣтлыхъ страницъ нашей прошлой исторической жизни.

*) „Вступленіе на престолъ царя Михаила Феодоровича“. Полевой. „Биб. для чтен.“ 1836 г.

Г Л А В А I.

Каза́къ и Колдунъ.

„... Булатъ — потѣха молодца,
Ретивый конь — потѣха тоже,
Но шапка для него дороже.
За шапку онъ оставить радъ
Коня, червонцы и булатъ;
Но выдастъ шапку только съ бою
И то лишь съ буйной головою“...

Пушкинъ.

Это было въ концѣ марта 1812 года. Великій постъ приближался къ концу. Бывало, въ эти дни вся древняя Русь отъ края до края превращалась въ безпредѣльный храмъ, полный молящихся; но въ этотъ годъ было не то: города и села, веси и деревни, и безъ того рѣдкія въ ту пору, были обезлюжены, въ опустѣлыхъ домахъ виѣсто людей залегъ или лѣсной звѣрь, или были голодные, еле бродящіе и одичавшіе псы, покинутые на произволъ судьбы своими хозяевами*); убогія деревянныя церкви русскія были или разрушены или разграблены, — словомъ, большая часть московскаго государства представляла тогда слѣды полного разоренія и запустѣнія; повсюду бродили и разсыпались шайки ляховъ, казаковъ и бродячихъ людей, жаждавшихъ только одного — грабежа и добычи.

Нѣсколько болѣе отраднѣй видъ представляли поволжскіе города и селенія, куда еще не успѣли проникнуть

*) Изъ записокъ англичанина, ѣхавшаго посломъ въ началѣ царствованія Михаила. См. ист. учеб. Иловайскаго.

поляки, да мѣста, прилегавшія къ Океѣ. Но и тутъ по всѣмъ проѣзжимъ дорогамъ стояли польскія заставы изъ ратныхъ людей, чтобы не пропускать людей, не держащихъ ихъ сторону, изъ Москвы въ низовые города.

Въ это-то время, уже далеко за полдень, по дорогѣ отъ Москвы къ Нижнему ѣхалъ одинокій всадникъ. Съ виду онъ походилъ на запорожскаго казака. Онъ былъ хорошо вооруженъ. Фигура казака была приземиста и коренаста, а широкія плечи и высокая грудь свидѣтельствовали, что молодецъ былъ не безъ силы и въ состояніи вѣрно постоять за себя. Онъ былъ смуглъ лицомъ, съ тонкими губами, нависшимъ бровями, изъ-подъ которыхъ сверкали плутовато-насмѣшливые глаза, и съ короткимъ вздернутымъ носомъ. Казакъ сидѣлъ на конѣ съ видомъ самодовольной независимости, чуть ли даже не дерзости, и по всему замѣтно было, что если ему придется что-либо не по вкусу, то острая сабля, висѣвшая при бедрѣ, въ его рукахъ окажется страшнымъ оружіемъ. Впереди высокаго и статнаго его коня бѣжала огромная собака изъ породы волкодавовъ.

Дорога, по которой ѣхалъ казакъ, шла лѣвымъ берегомъ рѣчки, а потомъ, круто повернувъ, взбѣгала на косогоръ и скрывалась въ густомъ сосновомъ бору, растянувшемся на необозримую даль. Въ воздухѣ уже пахло началомъ весны. На высокихъ вѣтвяхъ деревьевъ стоями виднѣлись черныя, съ бѣлыми носами, грачи, гдѣ отъ ихъ граянья носился оглушительный шумъ; жаворонки съ своими трелями вились надъ проталинами, которыя чернѣли громадными пятнами среди еще нестаявшаго снѣга; дорога извивалась грязной лентой; самый вѣтеръ не такъ рѣзко охватывалъ человѣка и вѣялъ въ лицо его какой-то влажной теплотой.

Пока казакъ ѣхалъ открытымъ мѣстомъ, онъ не обращалъ вниманія по сторонамъ, но когда поднялся

на косогоръ и сталъ приближаться къ лѣсу, вся его фizioномія приняла видъ подозрительной предосторожности; онъ вострепнулся и, зорко вглядываясь въ чащу, тихо крикнулъ собакѣ:

— Впередъ, Цыганъ!.. Чуй!

Умный песъ на мигъ оглянулся на хозяина, а потомъ, настороживъ уши и вильнувъ хвостомъ, въ два скачка скрылся отъ него, чтобы узнать, свободенъ ли дальнѣйшій путь и нѣтъ ли на немъ какой опасности.

Казакъ поубавилъ ходъ своего коня, попробовалъ легко ли вынимается его сабля и, снявъ винтовку, висѣвшую за его спиной, положилъ ее поперекъ сѣдла. Сначала шло все благополучно: въ лѣсу, казалось, все было спокойно и ничто не нарушало лѣсной тишины, кромѣ вѣтра, шумѣвшаго между вѣковыми соснами и отряхавшаго съ ихъ гигантскихъ вѣтвей послѣднія пушинки зимняго снѣга. Но вдругъ впереди слышалось казаку глухое ворчаніе Цыгана. Онъ приостановилъ своего коня и съ напряженнымъ вниманіемъ сталъ прислушиваться.

Ворчаніе повторилось, но на этотъ разъ сопровождалось короткимъ лаемъ, а затѣмъ, минуты черезъ три, показалась и самая собака, скакавшая къ хозяину съ ошестинившеюся шерстью и злобно поглядывавшая назадъ,

— Что, Цыганъ, что увидалъ? тихо заговорилъ казакъ, обращаясь къ собацѣ, какъ къ разумной твари. Засаду, что ли почувалъ?

Цыганъ какъ будто понялъ рѣчь хозяина: обернулся назадъ, сдѣлавъ скачокъ впередъ и яростно залаялъ.

— Ага, такъ и вправду засада! прошепталъ казакъ. Пыцъ! молчи, Цыганъ!.. Ну, посмотримъ, что тамъ за бѣда такая... Хорошо было бы, еслибъ наткнуться на шившей, а ну какъ тамъ сторожатъ ляки? Что тогда? Много ли ихъ? Коли человѣка четыре, такъ не бѣда —

прорвусь... Я да Цыганъ стоимъ четырехъ удалцовъ; ну, а что, какъ больше? Пожалуй, вѣдь, не пропустятъ... Э, да что тутъ раздумывать; была не была, а проѣхать нужно, и не будь я Кирша Даниловъ, а справлю дѣло, за которое взялся, али сложу свою буйную головушку... Богъ помилуетъ, такъ авось свинья не съѣстъ...

И, такъ разсуждая, Кирша укрѣпился въ стременахъ, взялъ винтовку на перевѣсъ и двинулся впередъ. Цыганъ побѣждалъ возлѣ его стремени.

Проѣхавъ съ четверть версты, Кирша выѣхалъ на небольшую поляну, на которой, возлѣ самой дороги, былъ разведенъ костеръ, а около него сидѣло съ десятокъ польскихъ воиновъ, держащихъ за поводья своихъ коней. При видѣ ихъ, Кирша подумалъ:

— Дѣло скверное! Это не простая сволочь, а строевые латники... Отъ нихъ не отвертишься пустыми рѣчами... Однако, смѣлымъ Богъ владѣетъ: коли дойдетъ дѣло до драки, такъ перевѣдаемся.

Съ своей стороны польскіе воины, увидѣвъ казака въ оборонительномъ положеніи, ѣдущаго прямо на нихъ, вскочили на коней и преградили ему дорогу.

— Кто ѣдетъ? проговорилъ одинъ изъ нихъ, когда Кирша подѣхалъ на разстояніе ружейнаго выстрѣла.

— Вольный казакъ! гордо и смѣло крикнулъ запорожецъ.

— Откуда?

— Оттуда, витязь, гдѣ ты не бывалъ!

— Куда путь держишь?

— А туда, гдѣ раки зимуютъ! насмѣшливо отвѣчалъ запорожецъ.

— Ни съ мѣста, молодецъ! Намъ не приказано пропускать того, кто не скажетъ намъ своего прозвища и за какимъ дѣломъ онъ ѣдетъ.

— Приказъ этотъ не про вольнаго казака... Пропусти!

— Стой, говорятъ тебѣ!... Сабли вонь!

Послышался звякъ выдерживаемыхъ сабель. Онѣ свернули въ рукахъ польскихъ латниковъ. Въ тотъ же мигъ раздался выстрѣлъ изъ винтовки казака: говорившій съ нимъ полякъ упалъ на крупъ лошади съ прострѣленной грудью, и Кирша, пользуясь минутнымъ замѣшательствомъ польскихъ латниковъ, закинувъ винтовку за спину, съ обнаженной саблей, ринулся впередъ, испустивъ кличъ:

— Съ нами Богъ!

Рубнувъ направо и налево, онъ грудью своего коня сшибъ съ ногъ противника и, прочистивъ себѣ дорогу, вихремъ помчался впередъ, нагнувшись къ сѣдельной луцѣ. Цыганъ съ яростнымъ лаемъ, налитыми кровью глазами скакалъ за своимъ удалымъ хозяиномъ.

Однако, успѣхъ удалца былъ ни болѣе ни менѣе какъ минутнымъ дѣломъ. Латники опомнились. Вложивъ сабли въ ножны, они въ свою очередь схватились за свои короткія ружья и съ яростнымъ гикомъ, гурьбой, бросились преслѣдовать запорожца, стрѣляя въ него на всемъ скаку.

Началась бѣшеная, отчаянная скачка.

Кирша, благодаря быстротѣ своего коня, далеко оставилъ за собой своихъ враговъ. Не обращая вниманія на свистѣвшія мимо его ушей пули, онъ только взмахивалъ время отъ времени пагайкой и птицей летѣлъ по дорогѣ, гдѣ его превосходному скакуну нипочемъ были рытвины и ухабы... Какъ вдругъ на всемъ скаку его конь присѣлъ на заднія ноги, качнулся и повалился на бокъ.

Чья-то шальная пуля перешибла колѣнные суставы на задней ногѣ бѣдной лошади.

Латники при видѣ паденія коня испустили ревъ дикой радости, а Кирша, не ожидавшій этого случая и во-время не остерегшійся, не успѣлъ освободить ногу изъ стремени и теперь очутился подъ конемъ.

Проклятіе сорвалось съ его языка. Но, не теряя присутствія духа, онъ напрягъ всю свою мощь, чтобы освободиться изъ-подъ громадной тяжести, и въ душѣ сильно обрадовался, когда почувствовалъ, что его нога, попавшая подъ лошадь, не была переломлена.

Еще не все потеряно! — подумалъ онъ.

А между тѣмъ передовой польскій налетъ ужъ былъ отъ него не болѣе какъ въ пяти шагахъ. Еще одинъ мигъ, и Кирша былъ бы убитъ на повалъ; но въ эту секунду вѣрный песъ, приученный къ бою*), какъ молнія бросился къ горлу вражьяго коня. Лошадь съ глухимъ хрипомъ взвилась на дыбы и съ перекушеннымъ горломъ упала мертвой на снѣгъ, придавивъ собой всадника. Съ бѣшенымъ рычаніемъ огромный волкодавъ налетѣлъ и на другого всадника, впился зубами въ его ногу и рванулъ къ землѣ. Налетъ готовъ былъ уже слетѣть, какъ въ это время подоспѣвшій товарищъ выручилъ его изъ бѣды, разрубивъ надвое крѣпкую голову Цыгана.

Но какъ ни былъ кратковремененъ этотъ бой животнаго съ человѣкомъ, однако онъ далъ время Киршѣ освободиться, наконецъ, изъ-подъ коня и броситься въ лѣсъ. Несмотря на боль въ ногѣ, на глубокій снѣгъ, на пни и сучья, находившіеся въ бору, казакъ побѣждалъ очень скоро, словно заяцъ, дѣлая повороты то въ ту, то въ другую сторону, чтобы спутать свой слѣдъ и сбить съ толку своихъ преслѣдователей, если бы вздумали они за нимъ погнаться.

Онъ не ошибся въ своемъ предположеніи. Налеты, разгоряченные своей неудачей, желая отмстить за сво-

*) Приученныя къ битвамъ собаки существуютъ и теперь Такъ, въ Туркестанѣ собаки нашихъ солдатъ смѣло бросались въ атаку на непріятельскихъ всадниковъ и нерѣдко выходили изъ боя побѣдительницами. *Разск. очевидца.*

ихъ товарищей и замѣтя хромоту казака, порѣшили нагнать его и раздѣлаться по-своему съ дерзкимъ смѣльчакомъ. Составивъ полукругъ, они по слѣдамъ его начали свое преслѣдованіе, разражаясь проклятіями и угрозами. Кирша слышалъ за собою шумъ погони. Изнемогая отъ боли въ ногѣ, едва переводя духъ отъ усталости и увязая по колѣно въ рыхломъ снѣгу, онъ чувствовалъ, что ему едва ли удастся безъ кровавой схватки отдѣлаться отъ навязчивыхъ преслѣдователей; онъ готовъ былъ уже остановиться, прислониться спиной къ дереву и дорого продать свою жизнь, когда, сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ по глубокому снѣгу, увидалъ недалеко отъ себя протоптанную тропинку. Казакъ вздохнулъ легче. Мигомъ онъ вскочилъ на корявый пенъ, а съ него сдѣлалъ огромный прыжокъ на тропу, повернулъ по ней въ кусты и быстро и легко зашагалъ впередъ.

Черезъ нѣсколько минутъ по его слѣду подошли и преслѣдователи къ спасительному пню. Слѣдъ тутъ оканчивался, и хотя они тоже увидали дорожку, во, измѣривъ разстояніе между ней и тѣмъ мѣстомъ, гдѣ они находились, они никакъ не могли понять и допустить, чтобы отсюда какой-либо человѣкъ могъ допрыгнуть до тропы.

— Это видно не человѣкъ, а самъ дьяволъ попался намъ, чтобъ обморочить и завлечь насъ въ проклятую трущобу! — вскричалъ одинъ изъ налетовъ, тяжело дыша отъ усталости.

— Хоть бы самъ чортъ былъ, а все-таки его нужно проучить — воскликнулъ другой. За мной товарищи!

Но когда всѣ выбрались на тропу, новое сомнѣніе возникло въ ихъ головахъ:

— Въ какую сторону скрылся бѣглецъ? Направо или налѣво побѣжалъ онъ?

Перетолковавъ между собой, они порѣшили раздѣлиться на двѣ части и идти на поиски.

Между тѣмъ Кирша быстро продолжалъ уходить впередъ и вскорѣ увидалъ небольшой плетень, окружавшій высокую избушку. Онъ перелѣзъ черезъ него, и, обойдя кату, вошелъ въ нее. Она была пуста. Не долго раздумывая, онъ зашелъ за перегородку, раздѣлявшую кату на двѣ части, и притаился въ углу. Нѣсколько времени ничего не было слышно, и казакъ подумалъ, что преслѣдователи потеряли его слѣды. Онъ уже хотѣлъ выйти изъ своей засады, когда ему послышались голоса людей, и онъ разслушалъ, что кто-то разговариваетъ ломанымъ русскимъ языкомъ съ другимъ голосомъ, отвѣчающимъ чисто по-русски.

Одинъ голосъ спрашивалъ:

— Дѣдко, ты не видалъ тутъ пробѣжавшаго человека?

— Нѣтъ, родимый, отвѣчалъ другой, старческій голосъ. Не видалъ, да и кому бы это забѣжать сюда?

— А ты кто самъ-то, дѣдка?

— Боярина Орши холопъ, родимый!

— Товарищи! — воскликнулъ не русскій голосъ. Такъ больше намъ нечего гоняться за дьяволомъ... вы знаете приказъ нашего полковника, чтобъ мы не смѣли ничѣмъ тревожить боярина, а чего добраго, этотъ проклятый не захочетъ живьемъ отдаться въ руки, завяжется драка... Ну его къ лѣшему! его, знать, счастье, что успѣлъ уйти отъ насъ... Идемъ назадъ на засаду, а то, попусту гоняясь за этимъ чортомъ, проглядимъ и другихъ...

Кирша свободнѣе перевелъ духъ, когда услышалъ эту рѣчь, во время которой успѣлъ зарядить свою винтовку; и затѣмъ ему послышались шаги удаляющихся людей.

— Слава Бугу, подумалъ Кирша. Ушли, проклятые... Грамота моя спасена!.. Эхъ, чабы не поклялся я, что доставлю ее, куда слѣдуетъ, такъ я показалъ бы вамъ, хвастливче ляхи, что такое въ боѣ запо-